

В этом году Питер О'Тул собирает урожай почетных призов за вклад в кино. Это интервью он дал во время кинофестиваля в Теллуриде, где ему вручили золотую медаль за вклад в искусство.

— После того как вы ушли из военно-морского флота, вы поступили в Королевскую Академию Драматического мастерства (RADA) одновременно с группой удивительных актеров, изменивших лицо британского кино. Среди них были Майкл Кейн и Альберт Финни.

— Да, действительно, в 1953 году в RADA учились Альберт Финни, Алан Бейтс и многие другие парни, которые впоследствии стали знаменитыми. Я редко с ними общаюсь, хотя очень скучаю по ним. Они обо мне беспокоятся. Все мы одновременно начали играть в кино и театре. Кое-кто из нас до сих пор жив, что само по себе чудо.

— Между вами было соревнование или конкуренция?

— Ни один сегодняшний актер не знает, что такое конкуренция и соревнование. Вот в старые времена, в XIX веке, театр был сродни боксерским матчам. Это было и соревнование, и искусство. Джуниус Бут, Эдмунд Кин вместе играли на Друри-лейн и соревновались, кто из них лучше сыграет Яго. Да, здоровая конкуренция делает нашу работу интереснее.

— Однажды вы говорили, что, увидев Ричарда Бертон в роли Гамлета в театре "Олд Вик", заявили: "Мое место здесь". Вы осознавали в то время, как вам повезло попасть на сцену в 50-е годы, когда искусство было чище, без примеси коммерции?

— Если бы я начал на 10 лет раньше, было бы вообще идеально. Да, первое десятилетие было для меня благословенным. Кто были мои современники? Ричард Бертон, Клер Блум, Фэй Комптон. В те же годы играли Розмари Харрис, Джон Гилгуд, Ральф Ричардсон, Сибил Торндайк. Эти ветераны были удивительными людьми. Это было продолжение традиций, начатых в 16-17 веках. Все это кончилось в конце 60-х.

— Вы были большим другом Кэтрин Хэпберн. Наверное, играть рядом с ней было нелегко — она всегда бросала вызов своим партнерам.

— Я играл в Лондоне в пьесе "Длинный, короткий и высокий" (Long and the Short and the Tall), и у меня в гримерной не было туалета. Приходилось отливать в раковину — все так делали. Как-то раз после спектакля я

Питер О'Тул, живая легенда

Сьюзен ХОУАРД

мочился в раковину и услышал за спиной голос: "Привет, меня зовут Кейт Хэпберн, и все мужчины в гримерных почему-то приветствуют меня, не оборачиваясь!" Потом уже мы познакомились по-настоящему, и Кейт оказалась одной из самых превосходных женщин, каких я только встречал в жизни. Мы играли утренние спектакли, и порой чувствовали себя не совсем в форме по утрам. Она давала нам ровно 60 секунд, чтобы по-настоящему проснуться. Если мы не просыпались, размазывала нас по стенке. Кейт и сейчас жива, ей 90 с чем-то, она великая, прекрасная женщина. Обожаю ее.

— Вашей путевкой в большое кино стал "Лоуренс Аравийский". Этот фильм сегодня совершенно не устарел, более того, и сейчас зрителей поражает размах "Лоуренса Аравийского", масштаб амбиций и умение рассказывать интересную историю без регулярных вставок "экшн".

— Да, это один из фильмов, во время которых действительно проживаешь жизнь человека. Знаете, что я вспоминаю? Когда Лоуренс ведет этого парня в бар, а все офицеры смотрят. Одного из офицеров изображал сценарист Роберт Болт. А еще одного — Джон Фултон — единственный американец, сделавший карьеру тореадора.

Представляете себе? Это удивительный фильм. Мне никогда не надоест его смотреть. Сценарий требовал всего того, о чем вы говорите, и у Дэвида Лина хватило смелости пойти на все, что требовалось. Мы снимали этот фильм целых два года. В нем нет ни одной скучной секунды.

— Писали, что вначале на эту роль собирались взять Альберта Финни.

— Да. А еще Марлона Брандо.

— Дэвид Лин взял вас, малоизвестного актера, на звездную роль, доверил вам самое главное, что есть в фильме. Наверное, вам обоим нужно было очень доверять друг другу.

— Я работал в Стрэдфорд-на-Эвоне, играл Шейлока. Мне позвонили от Дэвида Лина, спросили, не смогу ли я приехать побеседовать с ним. Перед этим я специально отпустил длинные волосы и бороду для роли Шейлока, покрасил их в черный цвет. Дэвид рассматривал меня и курил сигареты с мунштуком. Потом спросил: "Питер, а как вы выглядите на самом деле? В смысле — без всего этого?" Я ответил: "Вообще-то у меня светлые волосы". Дэвид сказал: "Я смотрел фильм "День, когда они грабили английский банк", где вы играли английского офицера. Из вас получился идеальный офицер. Я хочу, чтобы вы сыграли еще одного анг-

лийского офицера". Я спросил: "Кто продюсер?" — "Сэм Спигел". — "Ничего не выйдет. Мы с ним не ладим". — "Я с ним договорюсь. Не волнуйтесь, когда вы услышите разговоры, что эту роль будет играть кто-то другой, я смогу вас отстоять. Доверьтесь мне". И действительно, Сэм Спигел сказал ему: "О'Тула нельзя брать, он отвратительный актер и малопривлекательная личность". Но Дэвид уперся и Спигелу пришлось уступить. И через два года фильм вышел на экран.

— Вы чувствовали, каким масштабным он получится?

— Ну еще бы — мы с Омаром Шарифом проторчали в пустыне девять месяцев! Мы снимали в тех местах, где все происходило на самом деле. Ближайший источник воды был в 400 километрах. Мы жили в палатках. Вначале нам сказали, что мы будем снимать в пустыне пять месяцев. Собралась группа очень талантливых актеров: Клод Рэйнс, Джо Феррер, Энтони Куинн, Патрик Кеннеди, Джек Хокинс. Я очень сдружился с Джеком Хокинсом. Все мы чувствовали, что снимаем что-то необычное. Парень, учивший меня ездить на верблюде, был внуком того человека, которого играл в нашем фильме Энтони Куинн.

— Вы часто пересматриваете этот фильм?

— Недавно пересмот-

рел. Помните сцену — огромная пустыня, и по ней скачут две фигурки. Я плакал, когда смотрел. Потому что человек, который скакал рядом со мной, погиб во время Шестидневной войны.

— Улучшились ли ваши отношения со Спигелом после "Лоуренса Аравийского"?

— Ни на йоту! Он постоянно меня третировал — как и всех остальных, впрочем. Когда ему привезли показывать отснятый материал, он был недоволен. Он жил на яхте в Испании и по очереди вызывал нас к себе на ковер. Как всегда, наговорил мне кучу гадостей. Когда я сошел с яхты, то понял, что должен выпить. В баре на набережной я увидел нашего художника Джона Бокса. Хотел рассказать ему о встрече со Спигелом, но он заявил: "Не надо! Я был там за час до тебя!" Мы заправились, как следует, забрались на яхту по якорной цепи и украли у Спигела его любимые сигары. Это было глупо, по-детски, но мы были довольны.

— Каково было работать у Отто Преминджера на фильме "Розовый бутон"?

— Очень забавно. Мы снимали в Берлине, а Отто в свое время сбежал оттуда из-за нацистов. Он постоянно пребывал в страхе и депрессии. Не знаю уж, чего Отто боялся в середине 70-х, но он вообще не выходил из машины. Он слегка опускал стекло, командовал "Мотор!", "Стоп!" и снова поднимал стекло.

— Вы были большим другом Джона Хьюстона.

— Никогда не забуду, как мы устроили охоту в его имении! Я гостил у него в Ирландии, и однажды утром он ввалился ко мне в зеленом кимоно с бутылкой текилы и двумя стаканами. Он сказал: "Пит, сегодня мы едем на охоту!" Я не помню, как мы выбрались из дома, но в какой-то момент я осознал, что еду верхом на лошади, на мне — пижама, рядом скачет Джон в зеленом кимоно, и нас поливает дождь. В тот день Джон свалился с лошади и сломал ногу. Его жена обвинила меня, что я спавиваю ее мужа.

— Вас не удивляет, что вы до сих пор живы?

— Мне семьдесят лет. Как я выгляжу? Мне повезло — в детстве я увлекался спортом, был чемпионом школы по плаванию, вышел в полуфинал по боксу в сверхлегком весе, играл в крикет. Когда я служил на флоте, играл в регби. Сейчас, конечно, я в регби не играю, но в крикет — пожалуй-ста!

— Вы не пытались бросить курить?

— Несколько раз. Перед поездкой на фестиваль не курил несколько месяцев. Но я не могу представить себя на публике без сигареты во рту. Я чувствую себя глупо.

Экран и сцена

O'Toole Peter

(119-10) 0403
(англ.)